

Для цитирования: Подольский В. А.
Социальная политика и патернализм
в традиционалистской политической философии
Франции XVII века // Социум и власть. 2022. № 3 (93). С. 95—105.
DOI 10.22394/1996-0522-2022-3-95-105.
EDN BPZPWZ.

УДК 32.091

EDN BPZPWZ

DOI 10.22394/1996-0522-2022-3-95-105

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ПАТЕРНАЛИЗМ В ТРАДИЦИОНАЛИСТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ФРАНЦИИ XVII ВЕКА

Подольский Вадим Андреевич,
Институт философии РАН,
научный сотрудник сектора
истории политической философии,
кандидат политических наук.
Москва, Россия.
E-mail: deomniscibili@yandex.ru

Аннотация

Введение. Рассуждения о социальной политике во французском традиционализме XVII века служили источником для философских размышлений в XVIII веке и предопределили особенности французского консерватизма в XIX веке и характер социального государства во Франции в XX веке.

Цель. Рассмотреть взгляды французских традиционалистов XVII века на социальную политику.

Методы. Статья показывает особенности политической философии во Франции XVII века в контексте социально-политической проблематики и религиозных споров, опираясь на сравнительно-исторический подход и анализ институтов.

Научная новизна исследования. Статья предлагает анализ концепций французской философии традиционализма XVII века в сфере социальной политики и указывает на предпосылки становления философии консерватизма и социальной политики в феодальном патернализме.

Результаты. Во французском традиционализме XVII века сосуществовали два основных направления: одно поддерживало традиционную роль аристократии, второе защищало сильную монархическую власть. Оба течения придерживались патерналистических взглядов и считали необходимым проявление сильными ответственности за благосостояние слабых, поддерживали помощь нуждающимся для сохранения общественного порядка и в целях их воспитания.

Выводы. Размышления французских традиционалистов XVII века оказали влияние на формирование уникальной структуры социального государства во Франции, в котором действует принцип солидарности, сосуществует множество различных акторов, но при этом сильна роль государства.

Ключевые слова:
традиционализм,
Боссюэ,
Фенелон,
Буленвилье,
социальная политика

Введение

Дискуссии о перспективах и значении социальной политики — одни из наиболее интенсивных в политической и академической среде. В число важнейших аргументов, обосновывающих необходимость активной социальной политики, входят такие понятия, как «ответственность элит», «воспитание получателей помощи» и «порядок». Эти категории отсылают к феодальному патернализму как источнику для норм и практик, позднее трансформировавшихся в институты социального государства. Наиболее масштабное воплощение философия патернализма получила во Франции в эпоху, известную как «Великий век», в XVII — начале XVIII века, когда в Европе, и в первую очередь во Франции, шло оформление абсолютизма. В это время Франция была сильнейшей державой в Европе и служила примером для других государств. Усиление монархической власти и бюрократизация управления происходили в период от Тридцатилетней войны (1618—1648) до Войны за испанское наследство (1701—1714). Концентрация полномочий в руках короля сопровождалась изменением подхода государств к мобилизации ресурсов и встречала противодействие со стороны аристократии, которая была недовольна ограничением своих привилегий и организовала выступление против короны, ставшее известным под названием Фронды. Внутренние и внешние конфликты и институциональные трансформации отражались в том числе и на политической мысли. Это эпоха расцвета французской философии и время, когда создавались предпосылки для масштабных споров и конфликтов XVIII века, которые, в свою очередь, были источником для размышлений и институциональных преобразований во Франции и других странах в XIX веке. Одним из ключевых направлений для споров была религия: хотя Нантский эдикт о свободе вероисповедания остановил религиозные войны католиков и протестантов, внутри католицизма в XVII веке разгорелась полемика между янсенистами и иезуитами, оказавшая серьёзное негативное влияние на доверие к католической церкви в среде французских интеллектуалов. В XVII веке во Франции сосуществовали старые, привычные со Средних веков идеологемы, и возникали новые, которые обусловили политическое, социальное, экономическое и научно-техническое развитие мира. Если общий ход споров о монархии во Франции хорошо изучен в отечественной науке еще в XIX веке, то для анализа логики

принятия решений, формирования социального государства в Европе и развития политической философии консерватизма целесообразно исследование размышлений о социальной политике авторов XVII века. Среди мыслителей, выражавшие патерналистские идеи, наиболее известны епископ Жак Боссюэ, священник Франсуа Фенелон и историк Анри де Буленвилье, которые при этом заметно отличались друг от друга.

Методы и материалы

Епископ Жак Боссюэ — это одна из наиболее ярких фигур «Великого века» Франции, его рассуждения как ключевого сторонника абсолютизма [10] служили опорой для размышлений важнейших консерваторов-монархистов начала XIX века — Луи де Бональда, Жозефа де Местра и Рене Шатобриана. В России работы Боссюэ известны достаточно давно, его наиболее значимые политические сочинения — «Всеобщая история для наследника французской короны» и «Политика из самых слов Священного Писания» — были переведены в 1761 и 1802 годах соответственно, его философское наследие изучалось и в постсоветской России [3]. Размышления Боссюэ относятся к устоявшейся с древних времён традиции апологетики монархической власти как наилучшей формы правления и содержат наставления для правителей, в средневековом стиле изложенные в виде комментариев к Священному Писанию.

Архиепископ Франсуа Фенелон известен благодаря дидактическому произведению «Приключения Телемака» и «Наставлениям для совести государя к научению Людовика Французского, герцога Бургонского». Как и работы Боссюэ, тексты Фенелона были переведены в России ещё в дореволюционные времена. Фенелон также апеллирует к Священному Писанию, но его рассуждения ближе к святоотеческим поучениям и в первую очередь не столько направлены на легитимизацию монархической власти, сколько перечисляют многочисленные нравственные, политические и административные обязанности правителя. В России изучалась его критика порядков, сложившихся во Франции в конце XVII века вследствие изменения характера монархии [4].

Труды историка Анри де Буленвилье не переводились на русский язык, но его размышления исследовались в России, преимущественно в контексте изучения истории, наций, феодализма, а также отношения к социальной политике [5]. Буленвилье отлича-

ется и от Фенелона, и от Боссюэ предметом размышлений, преимущественно историко-софской направленности. Он защищает права родовой знати, восстановление феодализма [13, р. 30]. Его рассуждения ближе даже не к средневековым, а ещё более ранним парадигмам, поскольку воспроизводит аристократическую логику легитимизации евпатридов в досолоновских Афинах или спартанцев по отношению к мессенцам-илотам.

Результаты

Совокупность исторических, политических, социальных и философских факторов привели к тому, что во Франции в XVII сложилось два магистральных направления традиционалистской мысли, которые впоследствии повлияли на особенности французского консерватизма XIX века и характер развития социального государства во Франции. Привычка феодалов к свободе и культурная неоднородность регионов на протяжении французской истории противостояли тенденциям к централизации власти. Одна из групп традиционалистов, аристократическая, защищала ограничение монархии и свободу знати в качестве исторически закономерных и оправданных феноменов, а другая, монархическая, также используя историческую аргументацию, указывала на целесообразность усиления королевской власти. Традиционалисты были убеждены в том, что король и знать были посланы на землю с обязанностью заботиться о бедных [17, р. 27]. Идея сохранения общественного порядка, сформированной по божественному установлению иерархии, определяла восприятие социальной политики в традиционалистской политической философии.

Становление социальной политики во Франции

Со Средних веков во Франции противостояли два принципа отношения к нуждающимся: им предоставляли подаяние вследствие христианского сочувствия к бедным, но жёстко преследовали бродяг, регулярно обновляя законы, ограничивающие перемещение нищих из города в город. Обычно поддержку оказывала церковь, помощь включала в себя содержание приютов, периодическую раздачу денег, еды и одежды, предоставление медицинских услуг. Проверки на нуждаемость обычно не велось, а государственное регулирование чаще всего сводилось к возложению обязательств забо-

ты о бедных на местные общины, во избежание миграции бедных в города [11]. Помимо христианской этики, основанием для патернализма была моральная экономика сельской местности. Аристократия обычно использовала доходы от своих поместий, чтобы поддерживать своих крестьян. У дворян были широкие возможности для предоставления помощи бедным. Состояние нуждающихся оценивалось, затем им выдавалась помощь в соответствии с их потребностями и в зависимости от ресурсов, доступных дворянам. Поддержку получали нетрудоспособные бедные, то есть пожилые люди, сироты, инвалиды, многодетные семьи. Нуждающимся могла предоставляться одежда в начале зимы, зерно, сельскохозяйственные и иные инструменты, иногда — деньги, в зависимости от сезона и урожая. Могла быть отменена или снижена рента, если плательщик терпел крайнюю нужду. Крестьяне, в теории, за уверенность, что их будут защищать и о них будут заботиться в трудные времена, были обязаны относиться с почтительностью к своим лордам [17, р. 30].

В политической и социальной философии XVI—XVII веков постепенно менялось отношение к бедным и к роли государства. К этическому контексту добавляется экономический. В Средние века бедные воспринимались как неотъемлемая часть общественной иерархии. С одной стороны, они были включены в «экономику спасения» и могли претендовать на подаяние в обмен на молитвы о благодетеле, с другой стороны, толпы бродяг создавали угрозу для общественного порядка. В Новое время нищих, вследствие влияния экономистов-меркантилистов, воспринимали как неиспользованный резерв рабочей силы, нетронутый источник богатства [17, р. 46], и считали трудоспособных бедных ленивыми. И религиозные, и светские авторы в XVII веке полагали, что работы было достаточно [17, р. 37]. Бедность воспринимали как болезнь невежества, которая могла быть изцелена воспитанием [17, р. 35]. На угрозу, которую массовая бедность представляла для социального порядка, во Франции указывали мыслители ещё XVI века, как Жан Боден. Автор термина «политэкономия», экономист Антуан Монкретьен, призывал использовать голландский опыт работных домов для искоренения безработицы как нравственно разлагающего фактора. Он считал, что те, кто не делал ничего, могли перейти к злодеяниям [17, р. 15].

В XVI веке во Франции начала формиро-

ваться систематическая социальная политика. В это время во многих городах стал происходить переход благотворительности в сферу компетенции муниципальных властей, ускорившийся благодаря примеру немецких протестантских городов. В подражание эдикту императора Священной Римской империи Карла V Габсбурга от 1531 года в поддержку муниципальной помощи нуждающимся, король Франции Франциск I в 1536 году издал указ об организации помощи бедным на приходском уровне [11, р. 21—27]. В 1604 году во Франции был принят закон об отчислениях с зарплат шахтёров для оплаты медицинских услуг. В 1673 году были введены пенсии для моряков [18, р. 94]. Королевский эдикт 1662 года позволял всем городам королевства собирать местные налоги, чтобы создавать работные дома и не давать бедным перемещаться в столицу [17, р. 44]. Право на сбор налогов было отозвано уже в 1670 году, финансирование приютов было передано благотворительным организациям [17, р. 46]. Подобные попытки предпринимались и впоследствии, но каждый раз приостанавливались почти сразу из-за роста расходов. Помощь и в Средние века, и в Новое время была сосредоточена на местном уровне и организовывалась городами, религиозными организациями, феодалами или частными благотворителями. Города содержали госпитали [17, р. 53]. Помощь регулировали выборные собрания знатных горожан [17, р. 32]. Поддержка предоставлялась после проверки на нуждаемость, «профессиональным нищим» отказывали. Считалось, что нельзя помогать всем, поскольку это привело бы к массовой миграции в города [17, р. 35]. Личное участие монархов в благотворительности в основном предполагало содержание военнослужащих, которые ушли на пенсию или были инвалидами [17, р. 47].

Религиозные споры во Франции в XVII веке и их значение для социальной политики

Ещё одно измерение для социальной политики возникло из-за конфликтов между протестантами и католиками в XVI веке и споров между иезуитами и янсенистами в XVII веке, а именно борьба за религиозное просвещение бедных. В XVI—XVII веках в Нидерландах, Англии, Шотландии и Германии возникает идея перевоспитания бедных для вовлечения их в экономическую активность, а во Франции этот замысел дополняется религиозными соображениями: иезуиты хоте-

ли воспитывать бедных таким образом, чтобы они не только работали, но и вернулись к благочестивой жизни в католической церкви. Иезуиты предлагали содержать бедных в закрытых учреждениях, чтобы следить за их религиозным усердием, их нравственностью, и приучать к труду. Заслуживающим бедным помогали бы и наблюдали бы за ними в госпиталях, а помощь неза заслуживающим была бы запрещена [17, р. 36].

Спор иезуитов и янсенистов оказал колоссальное влияние на религию и философию Франции. Острота полемики между двумя движениями и их взаимные обвинения привели к тому, что французская интеллигенция стала негативно относиться к католической церкви и в XVIII веке философы и публицисты, такие, как Вольтер, Гельвеций, Гольбах дистанцировались от традиционализма XVII века и выражали антиклерикальные, деистические, атеистические взгляды.

Католический орден иезуитов был учреждён в 1535 году для противостояния распространению протестантизма. Одной из инициатив основателя ордена Игнатия Лойолы была проповедь в среде крестьян и малоимущих, чтобы не допустить их ухода из католичества: бедность воспринималась как плодотворная почва для ереси [17, р. 20—21].

В 1640 году католический епископ Ипра Корнелий Янсений написал трактат «Августин», в котором, в частности, оспаривались распространённые среди иезуитов идеи о благодати и свободе воли, ставшие популярными ещё в XVI веке благодаря известному испанскому богослову Луису де Молине [19, р. 494]. Янсенизм быстро набрал большое число сторонников, во-первых, из-за своих призывов к аскетичности и раннехристианскому усердию в исполнении заповедей, во-вторых — благодаря поддержке таких заметных мыслителей как Блез Паскаль [7, с. 220]. Во второй половине XVII века иезуиты фактически выиграли в конфликте с янсенистами. Иезуиты получили огромное влияние во Франции благодаря тому, что стали исповедниками короля. Влияние спора между янсенистами и иезуитами на социальную политику было скорее отрицательным из-за крайнего скептицизма янсенистов и чрезвычайно нетребовательного подхода иезуитов.

С одной стороны, иезуиты, следуя евангельским указаниям, призывали видеть в бедных Христа, а богатым предлагали служить бедным [17, р. 21]. С другой — иезуиты считали, что богатым достаточно уделять лишь часть своего состояния нуждающимся.

Янсенисты настаивали на том, что богатые не просто могут, а обязаны помогать, но при этом призывали к тайному подаянию [17, р. 25]. Блез Паскаль критиковал иезуитов за оправдание скупости при подаянии, ссылаясь на Григория Великого и Августина [6, с. 246]. По мнению иезуитов, организованная благотворительность была средством к спасению [17, р. 25]. Янсенисты относились к организованной и публичной благотворительности скорее скептически, не соглашаясь с тем, что она может гарантировать спасение. При этом, впрочем, янсенисты иногда поддерживали благотворительные учреждения. И иезуиты [17, р. 22], и янсенисты считали, что причиной бедности были недостатки характера бедных. Нищета, по мнению янсенистов, была свидетельством отступления божественной благодати [17, р. 26], и во многом янсенизм был похож на кальвинизм.

Устоявшиеся со Средних веков практики помощи нуждающимся со стороны церкви в XVII веке, вопреки богословским спорам, не только не исчезли, но и усилились. Адресная помощь нуждающимся во Франции, в основном организованная религиозными братствами, работала по принципам, похожим на муниципальную помощь в немецких городах. Представители братств получали запрос о поддержке от нуждающихся, выносили его на обсуждение братства на уровне района и принимали решение о порядке и объёме предоставления помощи [17, р. 35]. Под влиянием общего импульса контрреформации широко распространились благотворительные объединения. Наиболее известна работа святого Венсана де Поля, который создал несколько организаций, занимавшихся помощью нуждающимся [7, с. 218—219]. Боссюз указывал не только на значительный вклад Венсана де Поля в благотворительность, но и на его противостояние янсенизму [20].

Аристократический патернализм и его отношение к социальной политике

Помимо спора янсенистов и иезуитов, вторым событием, имевшим наиболее масштабные последствия для политической философии во Франции, был бунт аристократии против королевской власти, известный под названием Фронды. Из-за ограничений возможностей административного аппарата государства, корона, с одной стороны, была вынуждена опираться на местные элиты и предоставлять им привилегии

в обмен на поддержку военных инициатив и сбор налогов, а с другой — пыталась выстроить вертикаль власти, которая полностью подчинялась бы королю [17, р. 47]. В середине XVII века аристократы и горожане, недовольные ростом налогов, продажей всё большего числа должностей и их обесцениванием, попытались ограничить властные притязания короны. Аристократы потерпели поражение, королевская власть укрепилась [7, с. 213—214].

Некоторые из французских традиционалистов, как Боссюз, приветствовали сильную монархическую власть. Некоторые считали, что королевская власть должна была ограничиваться признанными прерогативами, то есть лидерством в войне и международных делах [17, р. 50]. В конце XVII века в окружении герцога Бургундского, внука Людовика XIV, сложилась группа писателей-аристократов. Они призывали вернуться к обществу, основанному на традиционных ценностях, в частности, восстановить роль аристократии. Фенелон указывал, что король передал власть недобросовестным министрам. Граф де Буленвилье повторял эту идею, указывая, что социальной порядок был искажен из-за того, что естественная элита королевства, то есть аристократия, более не показывала надлежащий пример поведения низшим классам [17, р. 48]. В XVII веке во Франции стало расти влияние новых богачей, которые заработали состояние на торговле и пытались встроиться в существующую иерархию, приобретая себе дворянство [17, р. 28]. Корона давала финансистам привилегии ради займов на войны [17, р. 48]. Старая знать была недовольна как угрозой своему положению, так и нарушением привычного социального порядка: по мнению аристократии, буржуа, которые приобретали дворянство, часто поступали недостойно, отказываясь помогать жителям своих земель [17, р. 29]. Успех финансистов, указывал Буленвилье, подталкивал других оставлять торговлю, промышленность и сельское хозяйство и переходить к спекуляциям. Прямым следствием ухода от традиций и появления новых недобросовестных элит и спекуляций был рост массовой бедности.

Новые богачи, не понимая ответственность, связанную с властью, занимали важные должности, что вело к катастрофе для Франции. Буленвилье был убеждён, что стране необходимо восстановление активной роли аристократии. Наиболее заметными сочинениями традиционалистов были «Наставления» Фенелона, направленные на

моральное воспитание будущего монарха, и «Государство Франция» Буленвилье, описывавшее устройство, состояние и обычаи страны. Оба сочинения преследовали цель восстановления традиций, соблюдения прав подданных, и напоминали, что обязанность следить за благосостоянием своих подданных была для монарха наиболее важной. Как и Боссюэ, Фенелон и Буленвилье выстраивали иерархию, в которой король был отцом народа. Тандем короля и аристократии обеспечивал бы патерналистское правление и заботу о населении, восстановил бы благосостояние Франции [17, р. 48—50].

Патерналистский довод в пользу благотворительности в течение XVII века развивался из критики недостойных богатых. Подлинный аристократ, по мнению традиционалистов, понимал свои обязанности по отношению к нижестоящим. Крестьяне воспринимались как дети, во время бедствий их защита зависела от него. Первой обязанностью дворянина было то, чтобы его подданные не впали в бедность. Новых богатых критиковали за неисполнение этих обязанностей. Впрочем, кроме тех случаев, когда старая знать проживала в городах, она обычно помогала только своим крестьянам, а не благотворительным учреждениям. В 1658 году герцог Луи-Шарль Люин написал «Инструкцию для обучения тех, кто обладает землями», чтобы научить подлинным обязанностям знати тех буржуа и дворян, которые приобретали имения. Герцог Люин доказывал, что знать должна учреждать госпитали на своих землях, чтобы обеспечивать материальную и духовную заботу о бедных, которые были слишком немощными или старыми, чтобы работать [17, р. 29—30].

Из всех французских традиционалистов XVII века Буленвилье сформировал наиболее масштабное и систематическое учение об организации социальной политики, суммированное в «Мемуарах, представленных герцогу Орлеанскому, регенту Франции». Буленвилье планировал рационализировать распределение помощи бедным в королевстве. Каждый приход должен был бы построить и содержать общую биржу, которая выполняла бы функции работного дома, госпиталя и школы для обучения ремеслам. Местные работники регистрировались бы для получения благ от биржи, освобождались бы от земельного налога и получали бы гарантию помощи в случае болезни, их дети до 10 лет могли бы получать образование. Поддержка оплачивалась бы за счет передачи небольшой доли дохода каждого жи-

теля прихода в благотворительный фонд. На местные власти была бы возложена обязанность следить за тем, чтобы бедные были заняты. Совет и исполнительная власть каждого прихода или учредители биржи следили бы за тем, чтобы все внесенные в книгу комиссара-инспектора имели бы работу, а при трудоустройстве получали бы работу до тех, кто не был зарегистрирован. Биржи гарантировали бы, чтобы никто не собирал бы подаяние на жизнь. За сбор подаяния полагались бы арест и заключение в тюрьму. Буленвилье полагал, что корона выиграла бы от бирж по нескольким причинам. Сложилась бы эффективная система помощи бедным. Возросло бы общее богатство. Полная занятость была бы гарантией стабильного общества. Обучая бедных детей ремеслу, по его мнению, биржи помогли бы разорвать замкнутый круг нищеты, в котором пребывали их родители. Районы выиграла бы финансово, собирая налоги с прибылей бирж. Бедные не стекались бы в крупные города из малых городов и сельской местности [5, с. 46—47]. Существовавшие в стране проблемы Буленвилье связывал с низким качеством управления провинциями [12, р. 489]. Предложения представителей аристократического патернализма развивали фактически сложившуюся систему социальной политики во Франции, где сосуществовало множество субъектов социального действия, а именно муниципальные власти и феодалы, которые должны были воспитывать подданных и способствовать укреплению экономического благополучия страны. Принципиальное разделение народа на управляемых и управляющих и критика новых элит по принципу их происхождения, впрочем, было среди тех факторов, которые обусловили резкое недовольство третьего сословия в XVIII веке и революцию 1789 года.

Монархический патернализм и его отношение к социальной политике

В отличие от Буленвилье, Боссюэ и Фенелон размышляли о помощи слабым, не создавая конкретные проекты социальной поддержки, но указывая на обязанности сильных. Хотя Боссюэ и Фенелон активно полемизировали по вопросам вероучения [16], их мнения об ответственности правителей почти совпадают. Отличие между политическими рассуждениями Фенелона и Боссюэ в том, что и аудитория, и контекст дидактических размышлений Фенелона

были несколько шире. Фенелон создал ряд сочинений, посвященных воспитанию, и в частности наставлял читателей в милосердии. Ничто так не содействует научению людей вежливости и цивилизованности, как подлинное и искреннее милосердие, и ничто не исцеляет их быстрее и полнее от всех недостатков, присущих человеческому обществу и несовместимых с взаимодействием и общением между людьми, писал он [14, р. 31]. Быть добрым — это необходимое средство для исполнения обязанностей каждым человеком, уверен Фенелон [8, с. 4]. Боссюэ считал, что забота об общественном благе — это приоритет для всех: кто служит обществу, тот служит каждому человеку [2, с. 51]. Фенелон выражал ту же идею, утверждая, что самое важное в обществе — взаимный долг по поддержанию общего блага [9, с. 97]. Стремление к общему благу Боссюэ, вслед за Аристотелем и Фомой Аквинским, связывал со стремлением к порядку [3]. Как и Гоббс, Боссюэ пишет, что человеческое общество из-за действия страстей разделяется. Для мира и единства необходима сильная власть [10]. Фенелон фактически предвосхищает логику общественного договора, предписывая монарху не брать ничего у подданных вопреки правилам [9, с. 28]. У Боссюэ к идее общественного договора приближается его понимание ответственности монарха, а также он указывает на проблемы социального мира, отсылая к тем же категориям вражды, которые использует Гоббс. Законы, защищающие от анархии, насилия и гарантирующие права, даны человеку по воле Бога, пишет Боссюэ [3]. Власти выгодно защищать людей от насилия, если государь позволяет своевольным рассеивать и изнурять народ, то наносит себе вред [2, с. 37]. Нет ничего пагубнее безначалия, где всякий делает что хочет и никто не делает того, что для него нужно. Где нет начальства, там все начальствуют, где все начальствуют, там все рабы [2, с. 39]. Наилучшая власть, по мнению Боссюэ, — единоличная и абсолютная. В первых, в силу природы: монархическая наследственная власть воспроизводит модель семьи и обеспечивает естественную преемственность [10]. Сама идея власти, по Боссюэ, воспроизводит отеческую власть Бога [3]. Люди рождаются подданными. Во вторых, такая власть — самая древняя [10]. В третьих, монархизм, убежден Боссюэ, более иных форм правления содействует общему благу, поскольку власть должна быть у того, кому наиболее выгодно сохранение государства [2, с. 172]. Государственная

польза есть истинная польза государя [2, с. 249]. Государь трудится на благо родины, поскольку он трудится для своих детей, которые будут править страной. В-четвертых, она защищает от раздробленности. Монарх неподотчетен ни перед кем, поскольку распространение закона на монарха подорвало бы принцип единства власти и создавало бы раскол в самом основании государственной власти. В-пятых, монархия священна. Подчинение монарху, даже и дурному — это долг совести для каждого гражданина [10]. Фенелон распространяет эту идею на всю систему власти, одновременно приближая её к тем постулатам, которые спустя столетие будет использовать де Местр. Бог повелевает подчиняться, пишет Фенелон, хотя бы правители и делали худое, ведь междоусобицы несут бедствия хуже злоупотреблений властью [8, с. 25—26].

Государь подчинен закону богопочитания более, чем другие [2, с. 175], именитость сана привлекает именитость наказаний для царей, пишет Боссюэ [2, с. 210]. Только имеющий власть над собой достоин властвовать над другими, повторяет Боссюэ Аристотеля [2, с. 206]. Государь должен заботиться о нуждах народа, а не о себе [2, с. 133]. Если правитель оставляет народ, чтобы предаваться забавам, то всякое зло, нанесенное хищниками народу, обратится на правителя [2, с. 136]. Боссюэ убежден, что власти должны выслушивать нуждающихся и кротко им отвечать, как Моисей слушал народ [2, с. 154—155]. Не страдать о людях своих значит отделяться от собственных своих членов и быть достойным лишиться их [2, с. 130]. Боссюэ формирует идею родины как одну из ключевых для консерватизма. Монархия — это отечество [10]. Вся сила отдельных людей соединена в особе государя, пишет Боссюэ [2, с. 241]. Монарх живет ради подданных, иначе он тиран [10]. В отличие от деспота, монарх должен щадить своих подданных [3].

Сильный имеет нужду в слабом, указывал Боссюэ [2, с. 15], сильным нужно быть для поддержания бессильного [2, с. 140]. Боссюэ пишет, что всё Священное Писание обязывает власти заботиться о беспомощных. В благоустроенном государстве права и имущество сирот и вдов защищены, и правительство относится к их нуждам как к собственным [2, с. 38—39]. Боссюэ приводит пример Иова: Иов давал, ничего не ожидая взамен [2, с. 129]. Давид создавал основание для блаженства своего царства в попечении, которое он имел о бедных. Имеющие власть над людьми государя должны по примеру

Неемии облегчать народные тягости [2, с. 131—132]. Бог дает государям образ своего величия, чтобы они подражали его благости, говорил Боссюэ [2, с. 122]. Бог спрашивает с правителя не только за содеянное тем зло, но и за неоказанную помощь [2, с. 135]. Величие дано людям для творения блага [2, с. 142], великие люди рождаются не для самих себя, но для всего света [2, с. 248]. Фенелон подчеркивает значение этого принципа для аристократии, утверждая, что чем выше происхождение, тем больше вина для тех, кто недостойн своих предков [8, с. 39]. Фенелон учил монарха защищать справедливость. Нельзя позволять откупщикам несоразмерно завышать цены, требовать взяток от купцов, отнимать голос у слабого, желающего жаловаться. Нельзя без рассуждения забирать в рекруты, поскольку лишение кормильца может рушить семью. Нужно освобождать каторжников тогда, когда заканчивается установленный судом срок [9, с. 41—44]. Нужно давать достаточное жалование чиновникам, чтобы они не брали взяток [2, с. 32], и солдатам, чтобы они могли жить, никого не грабя, иначе нельзя ждать повиновения от войска, и законы станут презираемы [2, с. 45—46].

Истинная слава царя — в благе, доставляемом народу, пишет Боссюэ [2, с. 126], и напротив, ничего нет уничтожительнее для величества, как народные бедствия, причинённые государем [2, с. 244]. Отнимать у нищего хлеб, пишет Боссюэ, то же самое, что отнимать жизнь. Властители, утесняющие народ несносными насилиями, должны бояться мщения [2, с. 148]. В «Истории» Боссюэ приводит пример Рима, пострадавшего из-за того, что принцип справедливости и милосердия нарушался: жесткость заимодавцев к должникам порождала возмущения в Риме, указывает он [1, с. 455]. Фенелон предупреждал, что население, доведённое до крайней нужды, не только теряет всякую надежду, но и перестает чего-либо бояться [15, р. 89], что означает переход государства к тому состоянию, которое Гоббс называл «естественным», то есть к анархии и вражде всех против всех. Фенелон предупреждал, что царя будут судить по Евангелию как последнего подданного [9, с. 5]. Он учил монарха сокращать личные расходы и траты на двор, поскольку самое важное для правителя — облегчать положение народа и брать с него только то, что необходимо для государства, а не для собственных нужд [9, с. 33—34]. Чиновники и знать видят роскошь двора и начинают брать взятки или разорять имения, а мздоимство вредит пра-

восудию и торговле [9, с. 38—40]. Государь может подать пример скромности и возвратить народ на путь рассудка [9, с. 25].

Фенелон, как и Боссюэ, считал, что общественные формы были продуктом божественной воли. Фенелон отмечал, что изменения сами по себе не дурны, если они помогают обществу лучше соответствовать естественному закону, но если система менялась радикальным образом, нарушая естественный порядок вещей, общество становилось поврежденным [17, р. 48—49]. Если Боссюэ как традиционалист строил свою аргументацию, опираясь на многовековые аргументы в защиту монархизма, то Фенелон использует категории, которые впоследствии станут главными доводами консерватизма. По мнению Фенелона, если какие-то институты и практики в государстве сложились и работают в течение долгого времени, то перемены их можно только для важнейших причин. Новые обычаи могут государство разорить скорее, чем утвердить его силу [8, с. 24—25]. В отличие от сторонников аристократического патернализма, сторонники монархического патернализма фокусировали внимание на идее внутреннего морального выбора, не предлагая детализированных планов реконструкции социальной политики. Монархисты использовали образ семьи, обосновывая необходимость служения и подчинения. В отличие от сторонников аристократии, они считали внутренней раздробленность угрозой, ослаблявшей государство. Они указывали, что монарх подотчётён только Богу, и священность монархической власти позволяет монарху быть подлинным арбитром и защищает от междоусобиц. Забота о подданных соответствовала божественному замыслу относительно человеческого общества и воспитывала смирение у сильных, содействуя их нравственному возрастанию, и благодарность у слабых, обеспечивая общественный мир, порядок и, следовательно, общее благо.

Заключение

Мыслители, выразившие разные идеи в рамках французского традиционализма, указывали на те проблемы, которые спустя столетие создали критические риски для французского государства и повлекли за собой потрясения, имевшие последствия для всей Европы и мира. Отказ от исполнения обязанностей аристократии и короны по защите нуждающихся привел к тому, что недоброжелательство низших классов своим положени-

ем трансформировалось в разрушительные волнения в стране в конце XVIII века. Хотя у Боссюэ, Фенелона и Буленвилье были разные аргументы и даже разные представления о надлежащей архитектуре правления, они сходились в том, что принадлежность к элите в первую очередь возлагает на человека ответственность за благополучие слабых. Размышления Боссюэ и Фенелона главным образом были адресованы монарху, которого призывали заботиться о слабых. Буленвилье составил подробный проект социальной политики по североевропейскому образцу, но его важнейшей идеей было воспитание аристократии в духе служения, которое оправдывало и закрепляло бы их привилегии. И для сторонников абсолютной монархии, и для сторонников свобод аристократии ключевой категорией в сфере социальной политики была ответственность, как с точки зрения сохранения социального порядка, так и в нравственном и религиозном смысле, что было особенно важно на фоне богословских споров. Рассуждения традиционалистов стали источником для развития французского консерватизма в XIX веке. Принцип феодального патернализма и сосуществование множества субъектов социальной поддержки в условиях сильной централизации впоследствии определили характер социального государства во Франции. Проблема ответственного служения элит — одна из наиболее острых в современной России и других государствах, и идеи французских мыслителей XVII века могут служить для объяснения важности выполнения элитами своих обязанностей по отношению к широким слоям населения.

Статья поступила в редакцию 20.05.2022

1. Боссюэ И. Б. Всеобщая история для наследника французской короны / пер. с фр. В. Наумов. М. : Московский университет. 1774. 460 с.

2. Боссюэ И. Б. Политика из самых слов Священного Писания почерпнутая. СПб. : Императорская типография. 1802. 308 с.

3. Кулешова Е. В. Жак-Бенинь Боссюэ и его время: из истории общественно-политической мысли Франции второй половины XVII века: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. СПб., 2006. 153 с.

4. Куцева Е. А. Аристократическая критика французского абсолютизма конца XVII — середины XVIII века // Самарский Научный

Вестник. 2013. № 4 (5). С. 103—106.

5. Овчинников В. М. Социальная политика французской короны в конце XVII — начале XVIII веков. Соотношение идеи величия и гуманизма эпохи // Смоленский медицинский альманах. 2015. № 3. С. 44—48.

6. Паскаль Б. Письма к провинциалу : пер. с фр. Киев : Port-Royal, 1997. 592 с.

7. Соловьёв С. М. Курс новой истории. СПб. : И. Н. Кушнеревъ и К^о, 1898. 388 с.

8. Фенелон Ф. С. де ла М. Истинная политика знатных и благородных особ. СПб. : императорская академия наук, 1765. 190 с.

9. Фенелон Ф. С. де ла М. Наставления для совести государя к научению Людовика Французского, герцога Бургонского. СПб. : Тип. Сухопутного шляхетского кадетского корпуса, 1773. 107 с.

10. Фёдорова М. М. Классическая политическая философия. М. : Весь мир, 2001. 219 с.

11. Balch E. G. Public Assistance of the Poor in France // Publications of the American Economic Association. 1893. Vol. 8, no. 4/5 (Jul. — Sep.). Pp. 9—179.

12. Buranelli V. The Historical and Political Thought of Boulainvilliers // Journal of the History of Ideas. 1957. Vol. 18, no. 4 (Oct). Pp. 475—494.

13. Ellis H. A. Boulainvilliers and the French Monarchy: Aristocratic Politics in Early Eighteenth-century France. New York : Cornell University Press, 1988. 283 p.

14. Fenelon F. S. de la. Characters and properties of true charity displayed. London : C. Davis, 1737. 352 p.

15. Hanley R. P. The Political Philosophy of Fenelon. New York : Oxford University Press, 2020. 306 p.

16. Lennon T. M. Sacrifice and Self-interest in Seventeenth-Century France: Quietism, Jansenism, and Cartesianism. Amsterdam : Brill, 2019. 318 p.

17. McHugh T. Hospital politics in Seventeenth-Century France. Aldershot : Ashgate, 2007. 191 p.

18. The French Welfare State. Surviving social and ideological change. Ed. by Ambler J. S. New York : New York University Press, 1991. 274 p.

19. The Oxford Handbook of Early Modern Theology, 1600—1800. Oxford : Oxford University Press, 2016. 668 p.

20. Udovic E. R. Bossuet: Testimony Concerning the Life and the Eminent Virtues of Monsieur Vincent de Paul (1702) // Vincentian Heritage Journal. 2020. Vol. 35, iss. 2. Article 5.

References

1. Bossyue I.B. (1774) Vseobshchaya istoriya dlya naslednika frantsuzskoy korony [General history for the heir of the French crown]. Per. s fr. Naumov V. Moscow, Moskovskiy universitet. 460 p. [In Rus].

2. Bossyue I.B. (1802) Politika iz samykh slov Svyashchennogo Pisaniya pocherpnutaya [Politics, drawn from the very words of Holy Scripture]. St. Petersburg, Imperatorskaya tipografiya. 308 p. [In Rus].

3. Kutseva Ye.A. (2013) Aristokraticheskaya kritika frantsuzskogo absolyutizma kontsa XVII — serediny XVIII veka [Aristocratic critics of the French absolutism in the late XVII-middle XVIII century]. *Samarskiy Nauchnyy Vestnik*, no. 4 (5). pp. 103—106 [In Rus].

4. Kuleshova Ye.V. (2006) Zhak-Benin Bossyue i yego vremya: iz istorii obshchestvenno-politicheskoy mysli Frantsii vtoroy poloviny XVII veka [Jacques-Benigne Bossuet and his time: from the history of the social and political thought of France in the second half of the XVII century]. Thesis. St. Petersburg, 153 p. [In Rus].

5. Ovchinnikov V.M. (2015) Sotsialnaya politika frantsuzskoy korony v kontse XVII-nachale XVIII vekov. Sootnosheniye idei velichiya i gumanizma epokhi [Social policy of the French crown in the late XVII-early XVIII century. Correlation between the idea of grandeur and humanism of the epoch]. *Smolenskiy meditsinskiy almanakh*, no. 3, pp. 44—48 [In Rus].

6. Paskal B. (1997) Pisma k provintsialu [Provincial Letters]. Transl. from French. Kiev: Port-Royal. 592 p. [In Rus].

7. Solovyev S.M. (1898) Kurs novoy istorii [A course on the New History]. St. Petersburg, I.N. Kushnerev i ko. 388 p. [In Rus].

8. Fenelon F.S. de la M. (1765) Istinnaya politika znatnykh i blagorodnykh osob [True politics for the famous and noble persons]. St. Petersburg, Imperatorskaya akademiya nauk. 190 p. [In Rus].

9. Fenelon F.S. de la M. (1773) Nastavleniya

dlya sovesti gosudarya k naucheniyu Lyudovika Frantsuzskogo, gertsoga Burgonskogo [Instructions for consciousness of the king for teaching Louis the French, the Duke of Bourgogne]. St. Petersburg, Tip. Sukhoputnogo shlyakhetskogo kadetskogo korpusa. 107 p. [In Rus].

10. Fedorova M.M. (2001) Klassicheskaya politicheskaya filosofiya [Classic political philosophy]. Moscow, Ves mir. 219 p. [In Rus].

11. Balch E.G. (1893) Public Assistance of the Poor in France. *Publications of the American Economic Association*. Jul.-Sep., vol. 8, no. 4/5. pp. 9—179. [In Eng].

12. Buranelli V. (1957) The Historical and Political Thought of Boulainvilliers. *Journal of the History of Ideas*, vol. 18, no. 4 (Oct), pp. 475—494. [In Eng].

13. Ellis H. A. (1988) Boulainvilliers and the French Monarchy: Aristocratic Politics in Early Eighteenth-century France. New York, Cornell University Press. 283 p. [In Eng].

14. Fenelon F.S. de la. Characters and properties of true charity displayed. London, C. Davis, 1737. 352 p. [In Eng].

15. Hanley R. P. (2020). The Political Philosophy of Fenelon. New York, Oxford University Press. 306 p. [In Eng].

16. Lennon T. M. (2019). Sacrifice and Self-interest in Seventeenth-Century France: Quietism, Jansenism, and Cartesianism. Amsterdam, Brill. 318 p. [In Eng].

17. McHugh T. Hospital politics in Seventeenth-Century France. Aldershot, Ashgate, 2007. 191 p. [In Eng].

18. The French Welfare State. Surviving social and ideological change. New York, New York University press, 1991. 274 p. [In Eng].

19. The Oxford Handbook of Early Modern Theology, 1600—1800. (2016). Oxford, Oxford University Press. 668 p. [In Eng].

20. Udovic E.R. (2020) Bossuet: Testimony Concerning the Life and the Eminent Virtues of Monsieur Vincent de Paul, 1702. *Vincentian Heritage Journal*, vol. 35, iss. 2, article 5. [In Eng].

For citing: Podolskiy V.A. Social policy and paternalism in the traditionalistic political philosophy of 17th century France // *Socium i vlast'*. 2022. № 3 (93). P. 95—105. DOI: 10.22394/1996-0522-2022-3-95-105. EDN BPZPWZ.

UDC 32.091

EDN BPZPWZ

DOI 10.22394/1996-0522-2022-3-95-105

SOCIAL POLICY AND PATERNALISM IN THE TRADITIONALISTIC POLITICAL PHILOSOPHY OF 17th CENTURY FRANCE

Vadim A. Podolskiy,

RAS Institute of philosophy,
Researcher at the Sector for History
of Political Philosophy,
Cand. Sc. (Political sciences).
Moscow, Russian Federation.
E-mail: deomniscibili@yandex.ru

Abstract

Introduction. Discussions on social policy in French traditionalism of the XVII century served as a source for philosophic considerations in the XVIII century, and defined the features of the French conservatism in the XIX century and specifics of the French welfare state in the XX century. The purpose of the article is to review the attitude of the French traditionalists of the XVII century on the social policy.

Methods. The article relies on historic and comparative approach and analysis of institutions and shows the features of the political philosophy in France of the XVII century within the context of the social and political problems and religious polemics.

Scientific novelty of the study. The article offers analysis of the social policy conceptions of the French traditionalistic philosophy of the XVII century and highlights in paternalistic feudalism the background for the development of the conservative philosophy and social policy.

Results. Two main approaches coexisted within the French traditionalism of the XVII century: support of the traditional role of the aristocracy and advocacy of the strong monarchy. Both approaches held paternalistic views and believed that it was necessary for the strong to display responsibility for the well-being of the weak, they supported aid for the needy to preserve the social order and to for their education.

Conclusions. Reflections of the French traditionalists of the XVII influenced the development of the unique structure of the welfare state in France, defined by the principle of solidarity, and coexistence of many different actors, with strong role of the state.

Keywords:
traditionalism,
paternalism,
Bossuet,
Fenelon,
Boulainvilliers,
social policy